

Евгений Меркулов

ПОСРЕДИ ДОНСКОЙ СТЕПИ

Том 1. Казачьи сказки, легенды,
предания

Евгений Меркулов
Посреди донской степи.
Том 1. Казачьи сказки,
легенды, предания

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16899807
ISBN 9785447441814*

Аннотация

В первый том сборника стихов «Посреди донской степи» вошли казачьи байки, легенды, сказки, предания, анекдоты, притчи. Одни сюжеты я нашел в книгах, другие в Интернете, третьи мне рассказали (или прислали) знакомые и незнакомые казаки.

Содержание

Завет Коляды, или Откуда пошли казаки?	5
Легенда о Белом Олене	8
Казак и Судьбина	13
Легенда о донском цветке-бессмертнике	18
Чайка	24
Легенда об амазонках	28
Одолень-трава	35
Лебяжий остров	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Посреди донской степи
Том 1. Казачьи сказки,
легенды, предания
Евгений Меркулов

© Евгений Меркулов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Завет Коляды, или Откуда пошли казаки? (по мотивам сказа о казаках)

Про стародавние года
Поют Бояна струны:
Небесный Батька Коляда,
Сын Тарха, внук Перуна,

С Небесной Матью Даж-землёй
В пылу любви горячей
Родили ночью грозовой
Свободный люд казачий.

И Батька выделил сынам
По случаю рожденья
На вековечны времена
Обширные владенья.

– Вот это – ваш родной Присуд.
Запомните, отныне
Вам обитать пристало тут,
Не мысля о чужбине.

Идти отселева не нать,

Но всей своею мощью
Вы степь родную защищать
Должны и днём и ночью.

А на сторожу, в помощь вам,
Характерные чада,
Пожалуй, дядьку Хорса дам,
Он подсобит, коль надо.

Пошлю умений на труды,
И мастерства, и хваток,
Чтоб вы не ведали нужды,
Был в куренях достаток.

Чтоб токмо через общий круг
Считалось решенье,
И принималось без наруг
Моё благословенье.

И были б, Батькины сыны,
Вы света сторожами.
И все поборники войны
Дрожали бы пред вами.

И видя кривду, подлость, грязь,
Усобицы и злобы,
Вы меж собою неприязнь
Не допускали чтобы.

И чтоб от Матери-земли
Грядущему в угоду
Вы перенять себе могли
Любовь к людскому роду.

Таку червону! Дажед нет,
Багряну, аки сполох
Небесный! Вот вам мой завет.
Да будет век ваш долг!

Легенда о Белом Олене (по мотивам «Легенды об Оленях» П. С. Полякова из романа «Смерть Тихого Дона»)

I

В глубине седых веков на Донском раздолье
Дал Господь для казаков степи в Диком Поле.
И на вечны времена в знак благоволенья
Он послал своим сынам Белого Оленя

С тем, чтоб люди никогда ни в словах, ни в деле,
Зверю доброму вреда учинять не смели.
Так и жили много лет предки миром-ладом,
Чтя Божественный Завет, с круторогим стадом

По законам вольных птиц, без вражды и злости.
Но однажды у границ появились гости.
– Кто такие и откель протоптали тропы?
– Мы из северных земель беглые холопы.

Там у нас боярский гнёт крепнет год от года,
Лютый царь как воду пьёт кровушку народа.
Казни, лязганье оков, страшная картина...

Стоят жизни мужиков меньше, чем скотина.

Ох, не стало нам житья никакого боле,
Вот, и в дальние края мы пошли за волей.
Где могучий Дон-отец катит полны воды,
Вкус познаем, наконец, счастья и свободы.

В ноги падаем донцам – Сжальтесь, добры люди,
Дайте бедным беглецам землю на Присуде.
Не гоните, казаки, нет назад дороги.
Ведь у Дона, у реки места хватит многим. —

И казачий круг решил, что своей землицей
От щедрот донской души можно поделиться.
– Что же, ладноть, в добрый час! Место есть покуда.
Оставайтесь промеж нас на земле Присуда.

Но от рабского клейма отвыкайте, братцы.
С Дону выдачи нема, нечего бояться.
Нет невольничьих цепей, каторги, острога.
Обживайтесь средь степей, поминайте Бога.

II

День за днём, за сроком срок пролетали годы.
Не слабел донской поток, не мелели воды.
Ночка близилась к концу, звёзды в небе стыли,
К атаманскому крыльцу на кобыле в мыле

Прискакал да не казак, не донец весёлый,

А насупленный вожак беглых новосёлов.
– Слушай, батько, дело есть, объявляй тревогу.
У меня худая весть. Я прошу подмогу. —

По призыву на майдан собралось народу.
Вышел пришлый атаман, поклонился сходу.
– Со своих уйдя земель, с казаками вместе
Мы живём, но и оттель получаем вести.

И сейчас наш край родной покорён жестоко,
На него пошли войной полчища с востока.
Всех, кто молод и силён, из родимой хаты
Забирают в свой полон вражьи супостаты.

Бьют детишков, стариков, храмы жгут, иконы...
И рекой струится кровь, и стекает к Дону.
Рушат древние кресты в городах и сёлах.
Помогите нам, братья, объявите сполох.

В этой праведной борьбе с ворогом по праву
Вы стяжаете себе воинскую славу.
Долго думали донцы и решили: «Любо!»
И заржали жеребцы, заиграли трубы.

Бьются в дальней стороне ради дутой славы
И в чужой для них войне падают на травы.
Ну, а дома вой, да рёв, вдовы, да ребята.
Без отцов, да без мужьёв жито не дожато.

На Присуде мор и глад, чёрными ночами
Хутора на степь глядят мёртвыми очами.
Даже если вой-герой приходил с увечьем,
Угощали лебедой... Боле было нечем.

III

Хтось от голода забыл Божье повеленье
И стрелою завалил Белого Оленя.
Только сели жарить плоть, всюду потемнело,
И сказал с небес Господь – Злое вышло дело.

Дон был даден казакам и донские степи,
Чтобы жили вы века в этом благолепии.
Вы ж ушли с родной земли против Божьей воли,
Славу брэнную нашли там на бранном поле.

И когда же глад затряс ваши поселенья,
Погубили, убоясь, Моего Оленя.
Здесь, над степью, над рекой, принял Я решенье:
Павшим воинам – покой! Нет живым прощенья! —

Чёрный вран свои крыла вскинул, словно руки,
И легла на землю мгла, и утихли звуки.
Нет сияния зарниц, потянуло тленом,
Казаки упали ниц в ужасе священном.

Вдруг раздался детский писк, вслед другой, ... десятый...
Горький плач пробился ввысь, в Божии палаты.
И Всевышний услышал в тонком детском плаче,

Что невинных наказал за грехи казацьи.

Поднял лик Господь в слезах светлыя печали,
И от слёз на небесах звёзды засияли.
Солнца пламенный венец тьму рассеял сразу
И решил простить Творец чад своих проказу.

– Вам реку еще одно Божье откровенье:
Много крови суждено зря пролить в сраженьях.
Да и слуги сатаны будут всяко-разно
Вас толкать в круги войны, да пытатъ соблазном,

Путать с верного пути, и наступит время,
Выбьют вороги почти всё донское племя.
Но не будет казакам Моего прощенья,
Не придут сюда пока новые Олени.

Чтоб не скрылся судный день дней других золою,
Дам вам герб, а в нём Олень, раненный стрелою.
Пусть запомнят казаки новых поколений —
В этом знаке и грехи, и залог спасений.

Там, где зверь мой был убит, дол залив рудою,
Нынче озеро вскипит чёрною водою.
И когда в урочный час воды станут сушей,
Это будет знак для вас – прощены все души.

Казак и Судьбина

(по мотивам «Казачьих сказок»)

*Скажи мне, кудесник, любимец богов
Что сбудется в жизни со мною?
А. С. Пушкин «Песнь о Вещем Олеге»*

I

Казак молодой на ретивом коне
Покинул родную станицу,
Решил попытаться в чужой стороне
Поймать свою Синюю Птицу.
Немало успелось проехать ему,
Пока на пути он увидел корчму.

«Вот это и нужно сейчас для меня!» —
Воскликнул казак: «Слава Богу!
Ждёт сытный обед седока и коня,
А вечером снова в дорогу.
Ступай, Воронок, под навесом в тени
От жаркого солнца чуток отдохни».

И только казак уместился за стол,
Попробовал первое блюдо,
Старик седовласый к нему подошёл,
Явившись незнамо откуда.

«Садись, угощайся, почтенный отец» —
Приветствовал старца донец-молодец:

«Кулеш не остыл ещё, прямо с огня.
Я позже поем. Помоложе.
Да мы с тобой, часом, скажи, не родня?
Обличьем трошки похожи».
И старец ответил, усмешку тая:
«Почти угадал. Я – Судьбина твоя».

На старца внимательно смотрит казак —
Лик в шрамах, согбенные плечи,
Из мутного глаза точится слеза,
На теле следы от увечий.
Неужто мой жребий таков на веку?
И боязно стало в тот миг казаку.

Старик засмеялся: «Гляди, брат, гляди.
Ты видишь Судьбину казачью.
Печали и горести ждут впереди,
А вовсе не Птица Удачи.
Послушай совета, соколик ты мой,
Садись на коня и вертайся домой».

Поехал казак, чтоб не лезть на рожон,
Обратно дорогой знакомой,
Но мыслил: «Я ПУТЬ СВОЙ изведать должен,
Не будет покоя мне дома».
И снова, коня повернувши назад,

Туда поскакал, куда очи глядят.

II

Сколь минуло лет, нам и знать ни к чему.

Но, скорую чуя кончину,

Задумал казак посетить ту корчму,

Где встретил когда-то Судьбину.

К заветному месту примчался скорей,

Глядит, а старик уже ждёт у дверей.

Уселись, по чарочке взяли на грудь

За встречу (а как же иначе?).

– Ну что, убедился? Досталось хлебнуть

Несчастий, упрямый казаче?

«По-разному было: и эдак, и так» —

Судьбине отвечивал старый казак.

– А что, неужели ни разу тебе

На ум не являлись догадки,

Что если бы жил ты покорно судьбе,

То был бы здоров и в достатке?

Ответил казак, как ударил мечом:

«Нет, я не жалею, отец, ни о чём!»

Судьбина пытается: «Могу тебе дать

Возможность начать всё сначала».

Подумал донец и ответил: «Не нать!

Менять ничего не пристало.

Я прожитой жизнью доволен вполне

И шляха другого не надобно мне».

А люди гадают: «Поди близнецы?

Гляди, как похожие лица!

Откуда явились сюда пришлецы?

Кубыть, не из нашей станицы».

А «братья» пыхнули духмяной махрой

И выпили дружно по чарке второй.

«Чему усмехаешься, ну-ка скажи?» —

Судьбина промолвил сурово:

«Коль есть на душе что, открой, не держи

Внутри своё дерзкое слово.

С чего веселишься? Чай, близок конец».

Судьбине ответил с улыбкой донец:

«Был давеча тусклым огонь твоих глаз,

А ныне он ярко лучится.

Вот, я и смекаю, что жизнь удалась,

Попалась мне Синяя Птица.

Хучь стар ты годами, а взор кугаря.

И значит, землю топтал я не зря».

И молвил Судьбина: «Воинственный пыл

Ни шашкой не сбить, ни нагайкой.

Ты прав, казарлюга, по совести жил.

По третьей за волю давай-ка!»

На этом я сказку кончаю, сынки.

И слава те, Боже, что мы – казаки!

Легенда о донском цветке-бессмертнике (по мотивам легенды донских казаков)

Отцу

I

Давно это было, в лихие года
На Дон налетела с востока орда,

Прошла по Присуду с мечом и огнём,
Хлеба потоптала монгольским конём,

Поля окропила казачьей рудой,
Связала невольников крепкой уздой,

Разрушила храмы, сожгла городки
И в степи вернулась от Дона-реки.

А вслед за ордой от свово куреня
Плелись полоняне, судьбину кляня.

Ох, много донцов той далёкой весной

Узнали про вражий аркан власяной.

II

У Марьи-казачки монголы родню
Забрали с собою в полон на корню —

Любимого мужа и сына-мальца,
И дажед почтенного старца-отца.

Спалили избёнку, порушили баз,
Она, же в леваде укывшись, спаслась.

Ох, как горевала, оставшись одна,
Уж лучше б с семьёй бедовала она!

Потом порешила, что будя кричать,
В Орду ей дорога, родню выручать.

Отвесила Дону прощальный поклон
И двинулась прямо в ордынский полон.

Нелёгк и долог был путь у неё,
Безлюдные степи, не встретишь жильё.

Достались казачке и холод, и зной,
И голод, и жажда, и волчий конвой.

Она шла вперёд, разбирая следы,
И так через год добрела до Орды.

Оборвано платье, обуви нема,
Зияет прорехой пустая сума,

Тоща, что и мёртвый глядится живей,
Но всё же добралась до цели своей.

III

Марию доставил в шатёр караул,
И хан на неё с интересом взглянул:

– Чего тебе, женщина? Кто ты? Откель?
Зачем ты пришла? Какова твоя цель?

– Ты зришь пред собою казачью жену,
Супруг мой и чадо в ордынском плену,

Родитель мой с ними, я так их люблю!
О, хан, отпусти их на волю, молю!

А коли не пустишь, бери меня вслед.
Мне жизни на воле без родичей нет.

И хан ей сказал: – Ты смела и горда!
За то, что решилась добратся сюда,

С тобой отпустить я могу одного,
Того, кто дороже, милее всего.

Мария задумалась, спала с лица
И, глядя сквозь слёзы, сказала: – Отца!

Воскликнул правитель, услышав ответ:
– Подумай, отцу твоему много лет!

Он пожил на свете, казачка, к тому ж
С ним рядом томятся твой сын и твой муж.

Погибнут в неволе, вдали от Руси.
Не хочешь супруга, хоть сына спаси!

Мария сдержала рыданье в груди:
– Ты согласишься, что баба рехнулась, пооди?

Тяжел этот выбор, но сам посуди,
Ведь я молода, и вся жизнь впереди.

Я с помощью Божьей на этом пути
Смогу себе нового мужа найти...

Вновь сына рожу – буде воля Творца,
Но кто мне заменит родного отца?

IV

Внимательно выслушал женщину хан
И нукеру крикнул: – Скачи за шихан!

В степи средь привычного всем ковыля

Цветок необычный взрастила земля,

Сиреневый цвет, как в Ононе вода.
Найди и сорви, и немедля сюда!

Вернулся посланник, доставил цветок,
И хан, протянув его женщине, рёк:

– Твой мудрый ответ оценить я сумел
И выполнить просьбу твою захотел.

Ты с этим цветком походи по Орде,
Искать своих близких с ним можешь везде.

Но помни, для поиска выделен срок,
Пока не завянет, не сгинет цветок.

Найдёшь их – до дома дорога пряма,
А нет, не взыщи, оставайся сама.

Загадка таилась в его словесах,
И тлела улыбка в раскосых глазах.

Взглянула казачка, лишь молвила: – Ах!
И высохли слёзы на впалых щеках.

Отвесила хану поклон – Исполать!
Спасибо за милость! Пойду их искать.

Предчувствием встречи с родными полна,
С цветком по Орде зашагала она.

Сияли глаза, как над Доном рассвет.
А хан ещё долго смотрел ей вослед.

V

Бессмертником кличут цветок на Дону,
Имеет он тайну-загадку одну.

Ить, как утверждает казачья молва,
Он может не вянуть не день и не два,

Неделю и месяц, кубыть даже год,
Бессмертник сиреневым цветом цветёт.

VI

А кто из потомков казачьих родов
Сейчас, как Мария, на подвиг готов?

А ежели выбор предложат такой,
Кого мы возьмём на свободу с собой?

И даст ли нам кто на пороге беды
Бессмертник иль даже хучь кружку воды?

Надеяться, вдруг да придёт мудрый хан?
А може, не ждать? Подскажи, атаман!

Чайка

(по мотивам казачьей легенды)

Ох, когда это было, да сколько веков
Миновало – упомню едва ли.
Знаю только, что турки держали Азов,
Да татары в Крыму царевали.

И частенько встречали тады казаки
На Придонье незваного гостя.
Пели острые стрелы, звенели клинки,
Да клевали курганники кости.

Казаки не спускали обиды врагам,
Наносили удар басурманам,
Приплывая на стругах к чужим берегам,
И домой возвращались с дуваном.

Дык, об чём это я разговор свой веду?
Ясаул со товарищи-други
Вышел в синее море, не чуя беду,
На проворном испытанном струге.

От ить, леший! Откель отсыревший табак?!
Внучек, серники деду подай-ка.
Я гутарю – до турок поплыл наш казак,

Ну, а дома жана-молодайка

Ждёт-пождёт-не дожётся желанного дня,
Чтобы любый вернулся с похода,
То и дело глядит из окна куреня
На донские бескрайние воды.

А о том и не знает, что на море вдруг
Казачья злая буря застала
И разбила о скалы прибрежные струг
Всею силой девятого вала.

И потопли донцы, окромя одного.
Догадалси? Ага, ясаула.
Отчего-то волна пощадила его
И на берег безлюдный швырнула.

Он очнулся, глядит, а вокруг ни души
И подмоги не жди ниоткуда.
Запечалился хлопец, придется – решил —
Пропадать вдалеке от Присуда.

А жана ясаула, прождав цельный год,
Хучь от мужа ни слуху, ни духу,
Отыскать его вздумала, но наперёд
Навестила старуху-присуху.

И ведунья сказала – Тебе не страшна
Путь-дороженька, зрю это ясно.

Приведёт, куды надо, морская волна,
Но из лодки ни шагу! Опасно!

На чужом берегу коль оставишь свой след,
Возликует нечистая сила. —
Поклонилась казачка старухе в ответ,
Села в чёлн, натянула ветрило.

Сколь плыла она дён, я не знаю, дружок.
Да оно и не важно к тому жа.
Только всё жа нашла тот пустой бережок
И на ём заприметила мужа.

Видит, он под кусточком лежит на траве,
Альбо сон подкосил бедолагу,
Альбо мёртв, но угроза свербит в голове,
Мол, из лодки неможно ни шагу.

Подплыла она ближе и громко кричит,
Но не слышит казак её зова.
Захолонуло сердце – неужто убит?
И забылось ведуньино слово.

Может, он только ранен, и помощь нужна? —
Подстегнула мысля, как нагайкой.
И на берег до мужа рванувшись, жана
Водночас претворилася чайкой.

С громким криком летала она в вышине,

Над судьбой своей жалобно плача.
И проснулся казак, видит – чёлн на волне,
Есть на свете казачья удача!

И поплыл он до дому, а чайка вокруг
Всю дорогу летает, кружится.
Невдомёк ясаулу, с чего это вдруг
Так печалится белая птица?

С этих пор много дён, много лет чередой
Унеслось по донскому теченью.
Только чайка и досить кричит над водой
И не может найти утешенья.

А ты слёзки-то вытри, негоже кричать.
Коль казак – так блюди себя! Кстати,
Впредь пулять из рогатки по чайкам не натъ.
Я надеюсь, ты понял, касатик?

Легенда об амазонках (по мотивам «Истории» Геродота)

Примеров, унучек, мы знаем полно
В истории Тихого Дона,
Когда с казаками дрались заодно
Их матери, сёстры и жёны.

Геройство их туркам познать довелось,
Черкесам и прочему люду.
Лупили и вместе, лупили и врозь,
Чтоб шляхи забыли к Присуду.

Откуда ж у бабы кураж боевой?
Не знаешь? От, то-то, кужонок!
Ить корень казачки наследуют свой,
Кубыть, от самих амазонок.

* * *

Послухай, дружок, в самой глуби времён,
Как пишет нам батька историй,
Рекой Танаисом был батюшка-Дон,
Меотским – Азовское море.

Хто «батька историй»? Ну, тот, Геродот.
Учёный. Жил в прошлые веки.

От, сбил меня, ирод, с рассказа! Дык вот,
О чём бишь я? Древние греки

В бою победили и взяли в полон
В какой-то не нашей сторонке
Одно из воинственных бабьих племён,
Что звали себя «амазонки».

Загнавши их в трюмы своих кораблей,
Поставив тугие ветрила,
Отправились в путь, к той далёкой земле,
Что их родила и вскормила.

Тут буря взыграла. Покуда мужи
Сражались, с волнами споря,
Те девы достали мечи да ножи,
И сбросили эллинов в море.

А шторм вслед за валом накатывал вал,
Стонали и лопались снасти,
Как править кормилом никто и не знал,
И вёсла ломались на части.

И парус поставить они не могли,
Отдавшись на волю планиды.
А ветер, как щепки, швырял корабли,
Пока не достиг Меотиды.

И вот в Танаис амазонки вошли,

Узрели зелёные бреги.
Причалили, твердь незнакомой земли
Вдохнула в них мысль о набеге.

Похитив у скифов табун лошадей,
Наладивши луки и стрелы,
Взялись за разбой среди местных людей.
А што там? – Привычное дело!

* * *

А скифы не поняли сразу, откель
Свалилось несчастье такое?
Пошто и с каких неизвестных земель
Явились свирепые вои?

От так и гадали они до тех пор,
Покуда в одном поселеньи
Налётчикам дали достойный отпор,
Побили их трошки в сраженьи.

Почали доспехи с убитых сымать,
Ну, типа военной добычи.
Раздели их, глядь! Ох ты, ёшкина мать!
– Мы билися с бабами, нычит?!

И тут к атаманам помчались гонцы
С доносом, что скифам обиду
Чинили отнюдь не мужчины-бойцы,
А бабы, пригожие с виду.

И круг атаманов размыслил, что впредь
Для племени было бы кстати
Не бить амазонок, напротив, иметь
В союзниках девичьи рати.

И скифы послали своих сыновей,
Шоб те только миром да ладом
Вчерашних врагов превратили в друзей
И стали над бабьим отрядом.

Найти амазонок в бескрайней степи —
Сурьёзное дело, не шутка.
Шо ёрзаешь? Сбегай на двор, не терпи,
А я подымлю самокрутку.

Сколь хлопцы путляли, топча ковыли,
Об энтот отдельные речи.
Но лагерь воительниц всё жа нашли,
Разбили и свой недалече.

За каплею капля заметна едва,
Но камушек точит водица.
И мало-помалу, но лагерь два
Смогли меж собой подружиться.

* * *

Так колос весной подымается ввысь,
Коль осенью брошено семя,

Два лагеря вместе в единый слились,
Сложилось новое племя.

Мужья предложили вернуться домой,
Собраться и двинуться разом.
На энто супружницы все до одной
Отвeтили твёрдым отказом.

– Обычаи женщин из ваших племён
Нам чужды, – заметили жёны.
– У тех, кто с мечом был и с луком рождён,
Иные для жизни законы.

Шоб часть состояния вашу забрать,
Езжайте в родные селенья.
Потом возвертайтесь в лагерь опять,
Мы будем вас ждать с нетерпеньем. —

Послушались хлопцы, явив свою прыть,
Но жёны сказали – Негоже
Нам жить в энтом месте, пора уходить. —
Вскричали мужья – Отчего же!?

– На скифской земле нам не любо. Мы ей
Чинили немалые беды,
И вас, как детей, увели из семей.
Давайте ускачем отседа.

Оставим страну, перейдём Танаис

На север помчим иль к востоку.
А тама начнём свою новую жизнь
В краю неизвестном, далёком. —

Коль бабы решили, их дурь не убить,
Настырное чёртово семя!
Сказали «идтить», нычит надоть идтить...
И степи покинуло племя.

Их жёны сражались мужчинам под стать,
Владели копьём и чеканом,
Могли на коне без устатку скакать
И всадника сбросить арканом.

Свистела и в цель попадала стрела,
И сыпались искры булата...
А девка идтить под венец не могла,
Пока не убьёт супостата.

А те племена, кто свой корень ведёт
От скифов, ушедших когда-то,
И их амазонок, писал Геродот,
Назвали потом *савроматы*.

* * *

А нут-ка таперя затылок чеши,
Задачку задам, отгадай-ка —
От, как их потомков зовут? Чуваши!
А ты и не ведал, всезнайка.

Ты шо, пострелёнок, жалаешь спросить?
Мотрю – засверкали глазёнки.
Как можно про корни казачек судить,
Коль с Дону ушли амазонки?

Не думай, што деда спымал на брехне.
Видать, Геродот обсчитался —
Уйтить-то ушли, да вот верится мне,
Кубыть, кое-кто и остался.

Одолень-трава

(по мотивам казачьего сказа)

I

Набегался за день? Тады, коль не лень,
Ложись на бочок, слухай деда.
Я сказку скажу про траву-одолень,
А ты засыпай, непоседа.

Ох, было то дело в седые года,
Тому лет пятьсот иль поболе.
И степи донские шумели тогда
И звалися Дикое поле.

Не видно ни стёжки в густых ковылях,
Ни тропки, ни влево, ни вправо.
Лишь только Ногайский извилистый шлях
Ползёт сквозь высокие травы.

По этому шляху с восточных сторон
Свершали набеги порою
На Дикое поле, на батюшку-Дон
Лихие раскосые вои.

Встречали незваных гостей казаки
Могучею силою ратной

И гнали их дружно от Дона-реки
В ногайские степи обратно.

Но коли удара сдержать не могли,
То ворог, не ведая жалость,
Сметал городки и станицы с земли,
Рудою трава умывалась.

Побив казаков, стариков, малых чад,
Забрав полонянок с собою,
По шляху с дуваном в улусы, назад,
Вертались ногайцы с разбоя.

И шли молодые казачки в полон,
Лицом почерневшие с горя,
Отвесив Придонью прощальный поклон,
К Хвалынскому дальнему морю.

От ран на ногах вся дорога в крови,
Обильно слезами полита.
Ты плачешь, касатик? Не нать, не реви.
Была и у девок защита.

II

А где ж та защита? А вот она где —
У нас, на Дону, каждым летом
В затонах, на тихой, стоячей воде,
Кувшинки цветут белым цветом.

Они распускаются в солнечный день,
А в ночь закрываются снова.
Им имя другое – трава-одолень.
Ты чуешь? Волшебное слово!

И вот, ближе к вечеру – слышишь, внучок? —
В тот час, когда форму бутона
Цветы принимали, из вод старичок
Являлся на берег затона.

С седой бородою, глаза – пара звёзд,
А скорость быстрее, чем у зайцев.
Он за ночь проходит до тысячи вёрст,
Ать-два, и уже у ногайцев.

То нищим прикинется, просит подать
Монету, искусный пройдоха,
То нукером славным, ногайская знать
Не видела в старце подвоха.

А то притворится вдруг важным гонцом
Из ставки великого хана,
Но чаще всего представлялся купцом,
Являя ярлык от кагана.

При этом не столько менял свой товар
На бархаты, камни и злато,
Как просто вельможам давал его в дар,
Не требуя щедрую плату.

А те и довольны, гляди – повезло!
Ить, выгодно, честное слово!
Купец им меняет донское седло
На миску вчерашнего плова.

А то, что он просит на пленных взглянуть,
Так нет для отказа причины.
Пушай его смотрит, не жалко ничуть,
Уважим желанье купчины.

Ш

Среди полонянок пройдёт старичок,
Всем скажет приветное слово
И каждой подарок подаст, пусячок —
По маковке сладкой медовой.

Уйдёт. Но под вечер, когда небосклон
Окрасится алым закатом,
С молитвой о землю ударится он
И лебедем станет крылатым.

Он в небо взовьётся и криком своим
Даст громкий сигнал, улетаю.
И все полонянки взлетят вслед за ним —
Лебёдушек белая стая.

Ногайцы пытаются птиц изловить,
Пускают им стрелы вдогонку.

Да где там! Они улетели, кубыть,
Обратно, в родную сторонку.

Всю ночь лебединая стая в пути.
На утренней зорьке у Дона
Спустилась, совсем обессилев почти,
И села на глади затона.

Чуток отдохнули, напилися всласть
Рассветной студёной водицы
И на берег вышли, уже не таясь,
Казачки, не белые птицы.

Назад оглянулись – найти лебедей,
Но следа не видно их даже...
Травы-одолены цветы на воде,
Как пух белоснежный лебяжий.

Запомни, внучок, казаку в чёрный день,
Уж если беда приключится,
На помощь придут и трава-одолень,
И Дон, и родная Землица.

Теперь засыпай, не то выну ремень
Да выпишу пару горячих.
И тут никакая трава-одолень,
Тебе не поможет, казаче

Лебяжий остров (по мотивам сказки кубанских казаков)

В куширях, в камышах схоронившись хитро,
Первый раз шёл в разведку по плавням Петро.

Чёлн турецкий девчата видали не зря,
Вон, в протоке, с тревожными криками «Кря!»

Стая уток вспорхнула. Засада! Враги!
«Берегись!» – шепчет чакан – «Обратно беги!»

Но бежать не позволит душа казака,
«Попытаюсь я взять-захватить языка.

Перед всеми похвалит меня атаман —
От, Петро, молодец! Обдурил басурман!

Сам малой, ну а пленный – бугай, большерук.
Вишь, как булькамы зыркает, башибузук!»

Так, мечтая, как слава ероя найдёт,
Наш разведчик побрёл осторожно вперёд,

Вострой саблей легко раздвигая камыш.
Вдруг удар по потылице... темень да тишь.

* * *

«Ну, казак, где залогов у вас? Не таи.
Коль ответишь, то все эти деньги – твои.

А не скажешь, так будешь висеть до поры
На осине, пока не зажрут комары» —

Толстый турок с усмешкой глядел на Петра.
Этот взор не сулил никакого добра

Молодому попавшему в плен казаку,
Что висел на аркане пред ним на суку.

Ни полслова Петро не промолвил в ответ.
Он-то знал, что надежд на спасение нет.

Лютой смерти над ним занеслася рука,
Но ничто не могёт покорить казака

И заставить друзей своих верных предать.
Ить, покуда в опасности Родина-мать,

Будет сердце казачье, как твёрдый булат,
И смертельные муки его не смягчат.

Оглянулся Петро на знакомый курган

И увидел, как солнце спускалось в лиман.

Где-то там, за курганом, в станице сейчас
Ждёт маманя сына, не смыкаячи глаз.

Ждёт Маруся невеста, почти что жена.
Эх, сыграли бы свадьбу, да сука-война...

Рази можно в тот край за Кубанью-рекой,
Где родился, где предки нашли свой покой,

Туркам путь указать, не сгорев со стыда,
До родного гнезда? Ни за что! Никогда!

А пузач улещает: «Ты – храбрый казак,
И на век твой победных достанется драк,

А разок проиграть никому не страшно.
Да и вызнать секрет мы смогём всё равно.

Ить Аллах тебя в руки нам дал неспроста,
Чтобы шлях показал ты в родные места.

Пожелай он победы твоей стороне,
Был бы я сейчас связан, а ты на коне.

Посмотри, вот кошель, в нём монеты звенят.
Покажи нам залого и будешь богат.

Хоть ты молод годами, но, вижу, толков.
Станешь важным пашою среди казаков.

А не скажешь... Аркан свой сниму я тогда,
Когда твёрдою станет вода ото льда,

Когда мух снеговых налетит белый рой.
Только ты не увидишь их, глупый герой.

Тебя высушит солнце и высосет гнус,
Но пощады не будет, Аллахом клянусь!»

У Петра голова наливалась свинцом,
Он на турка смотрел с потемневшим лицом.

Резал руки верёвки тугой перехват
И стучало в висках: «Я подвёл. Виноват!

Опоил меня призрачной славы дурман,
Я не выполнил дела. Прости, атаман.

Зря в лесочке густом у излуच्या реки
Ждут меня из разведки друзья-казаки».

Толстый турок прищурился, сузив зрачок:
«Ну, так что, не раздумал молчать, казачок?»

Тот, сухим языком проведя по губам,
Покачал головой, мол, секрет не отдам.

«Ты, казаче, наверно сдурел от жары?
Но помогут язык развязать комары.

Утром, хочешь не хочешь, секрет нам отдашь» —
Прошипел басурман и полез в свой шалаш.

* * *

Солнце ниже и ниже спускалось в лиман,
Над землёй расстился белёсый туман,

В этот вечер закат был кроваво-багров,
И звенела победная песнь комаров.

Распознали, подлюки, насколько сладка
И приятна горячая кровь казака.

Дружно взялся за дело безжалостный гнус,
И всё тело горело, как общий укус.

«От, проклятые вороги!» – думал казак —
«Лучше сразу бы вбылы, не мучили так».

Только турки храпят в шалашах до утра,
И им дела нема до мучений Петра.

Он просил: «Хоть бы дождик меня освежил,
Остудил лихоманку искусанных жил».

Но ни облачка нету на небе ночном,
Лишь вдали что-то движется тёмным пятном.

«Ой, Кубань!» – он молился – «Ой, ридна река!
Поможи же мэни, защити казака!»

Нет ответа, а ветер донёс до ушей
Моноotonно-печальную песнь камышей.

Смежил веки Петро, выжав слёзную соль.
Забутьё и дремота ослабили боль.

* * *

То не звон комариный, не шум тростника,
Шелест волн ото сна разбудил казака.

Будто на ухо шепчет: «Казаче, поглянь,
Вон идёт наша гарныця дева Кубань».

На невесту Марусю похожа чуть-чуть,
Только косы волнами струятся на грудь,

Мудрость плещется в серых бездонных глазах,
Да запутался месяц в густых волосах.

– Значит, ты услышала, что ты мне нужна?
«Услышала, Петруша», – шепнула она.

Ты запомни, что горе твоё – не беда,

Ить защитник земли не умрёт никогда.

И не бойся, коханный, теперь ничего».
А студёные руки ласкали его.

Свежей влагою ветер лицо окропил,
И губами казак её жадно ловил.

* * *

А наутро прохлада окутала лес,
Мелкий дождик на землю струился с небес,

Казака не палил изнуряющий зной,
И он бодрый очнулся от дрёмы ночной.

Толстый турок, зевая, покинул шалаш
И спросил у Петра: «Что решил, делибаш?

Будешь первого снега тут ждать на суку
Или звон золотых всё ж милей казаку?»

Долго шутке смеялся, держась за бока,
А потом заглянул под откос бережка.

Вдруг от ужаса турок стал белым, как мел.
Он, упав на колени, на миг онемел,

А потом закричал, указуя на брег:
«О, великий Аллах! Да откуда тут снег?!

Он гяурам на радость, а нам на беду,
Но я воли твоей супротив не пойду».

Басурманин из ножен достал ятаган
И от страха дрожа, перерезал аркан.

– О, великий Аллах! Твоя воля – закон.
Я неверным сдаюсь вместе с войском в полон.

Коли дал нам Аллах удивительный знак,
Мы готовы идти за тобою, казак.

Вот гора ятаганов, пистолей и стрел.
Мы связались арканом, как ты повелел. —

– Что такое? При чём тут турецкий Аллах?
Может быть, мои дружки спешат на челнах?

И какой же шайтан напугал басурман,
Что, вон, даже паша бросил свой ятаган? —

Посмотрел под откос удивлённый Петро.
Снегом берег блестит, что твоё серебро.

– Вот те на! За меня заступилась Кубань.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.